УДК 327

Игорь МАКСИМЫЧЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ: ЗАКАТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ¹

Аннотация. Во второй части статьи, посвящённой 30-летней годовщине развала ГДР, автор продолжает анализировать факторы, приведшие к разрушению государства, которое составляло основу послевоенной системы европейской безопасности, выстроенной Советским Союзом. События осени 1989 г. показали, что в республике созрели условия для серьёзного внутривнутриполитического кризиса. Среди них автор выделяет рост количества сторонников оппозиции, создание её организационных структур и появление лидеров, способных выдвигать привлекательные программные лозунги, проведение акций, провоцирующих открытый внутривнутриполитический кризис, наличие мощной политической, идеологической и материальной помощи со стороны внешних сил, а также недооценку указанных процессов руководством страны. Автор отмечает, что ликвидации социалистического государства в Восточной Германии способствовали настроения руководства СССР, устранившегося от решения германских проблем. Упразднение ГДР открыло вереницу схожих событий в других государствах Восточной Европы с признаками того, что позже назовут “цветными революциями”, и стало прологом демонтажа послевоенной биполярной системы международных отношений.

Ключевые слова: ГДР, ФРГ, объединение Германии, Берлинская стена, “цветная революция”, Перестройка.

Точка невозврата

Осенью 1989 г. празднества по случаю 40-летия ГДР прошли без эксцессов. Демонстрацию с требованиями реформ и свободы поездок, состоявшуюся вечером 7 октября во время официального приёма для почётных гостей, удалось не допу-

¹ Первую часть статьи см.: Максимычев И.Ф. Присоединение: закат Германской Демократической Республики. Часть первая. *Современная Европа*, №5, 2019. С. 154–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019154164>

стить до Дворца Республики. Однако становилось ясно, что положение не выправится само собой. Очередная протестная демонстрация в Лейпциге в понедельник 9 октября вывела на улицы города 70 тысяч человек из разных регионов ГДР, и власти не решились отдать полиции приказ о её разгоне. В то же время от руководства республики требовалась корректировка внутривнутриполитического курса.

18 октября политбюро ЦК СЕПГ единогласно отправило в отставку Эриха Хонеккера. Его место занял Эгон Кренц, заместитель генерального секретаря. К сожалению, Кренц не обладал необходимым авторитетом ни среди рядовых членов партии, ни среди граждан республики. Его решения и действия часто оказывались непродуманными, практически всегда запоздалыми, не учитывающими всей сложности обстановки. При нём окончательно разладилась работа партийного аппарата, начались болезненные сбои в системе государственного управления. Участвовавшие административно-технические просчёты вызывали далеко идущие политические последствия. Усиливавшаяся общая деградация общественно-политических институтов республики во многом обусловила то обстоятельство, что поддержка Кренцу из Москвы ограничилась словесными заверениями в солидарности.

Фактически полное открытие поздней ночью 9 ноября 1989 г. Берлинской стены и германо-германской границы для выезда из республики создало психологически и политически фатальную для ГДР обстановку. Упразднение строгого ограничительного выездного режима основывалось на официальной санкции её высших органов власти. Однако реализация этого решения произошла таким неуклюжим образом, что внешнему миру, да и самому восточногерманскому обществу была буквально навязана интерпретация случившегося как “победы” улицы над правительством. Новостные агентства массово транслировали информацию, что пограничники ГДР под давлением толпы, собравшейся у контрольно-пропускных пунктов стены, прекратили паспортный досмотр и подняли шлагбаумы, открывая свободный доступ в Западный Берлин. Никто не потрудился обратить внимание на то, что на границе между ГДР и ФРГ в эту ночь было тихо и безлюдно.

Западногерманские и западноберлинские, а за ними и все западные СМИ сообщали о “капитуляции” самой эффективной пограничной стражи в мире, в чём они рассмотрели признаки банкротства не только Кренца и партийно-государственного руководства ГДР, но и “режима” в целом. Невзирая на то, что шлагбаумы поднялись только временно и лишь на отдельно взятом небольшом участке государственных рубежей республики, западные СМИ посчитали доказанной несостоятельность всей государственно-политической системы республики. После этой ночи наступило время диктата руководимых из подполья уличных демонстраций, участники которых предъявляли всё более радикальные требования изменить политический строй и структуру государственных органов ГДР. Почти немедленная отставка Кренца ничего не изменила. Все требования демонстрантов – даже самые экзотические – властям приходилось выполнять в кратчайшие сроки во избежание эксцессов и жертв.

Западная пропаганда и историография постоянно освещают события 9 ноября исключительно с акцентом на либерализацию условий выезда восточных немцев. Умышленно замалчивается факт одновременного демонтажа оборонительного щита

та, который почти тридцать лет прикрывал республику от непосредственного воздействия “подрывных” сил из западных стран, прежде всего из ФРГ. С окончательной отменой к Рождеству 1989 г. визового режима для взаимных поездок между обеими частями Берлина и Германии западногерманские политики всех оттенков, а также агенты спецслужб ФРГ (и других западных стран) получили возможность чувствовать себя в ГДР “как дома”. Открывшиеся шансы были использованы ими полностью. Весь дальнейший ход событий в республике становится понятным только при учёте практически тотального господства Запада в информационном и общественно-политическом пространстве ГДР.

Непосредственной причиной обострения внутривнутриполитического кризиса и сумятицы явилась недопустимая небрежность, с которой было обнаружено важнейшее постановление властей ГДР. Предстоящее упрощение правил выдачи выездной визы для посещения ФРГ или эмиграции объявили на пресс-конференции, посвящённой иной теме, чем немедленно воспользовалась западная пропаганда. Прежде всего был нарушен тот пункт постановления, который предусматривал его публикацию лишь на следующий день (на момент пресс-конференции только начиналась работа по составлению необходимых инструкций для погранохраны и полицейских служб, которым предстояло выдавать визы). Кроме того, вопреки чёткому указанию в тексте постановления на то, что его положения вступят в силу после публикации (то есть не раньше 10 ноября), на пресс-конференции было заявлено, что новые правила начинают действовать немедленно. Это объясняет мгновенное появление у КПП стены возмущённых граждан (“Разрешено, а не пускают!”) и полную дезориентацию пограничников (“Действительно ли имеется правительственное постановление и если да, то какое?”).

В более широком плане возникшая неразбериха опосредованно отражала давние расхождения между позициями ГДР и СССР в оценке оккупационного статуса Западного Берлина. Всё, что было связано с Западным Берлином, воспринималось в ГДР с раздражением. В республике никогда не скрывали, что наилучшим для неё решением западноберлинской проблемы было бы “выдавить” гарнизоны трёх держав из западной части города. Советская внешняя политика не была склонна к авантюрам такого рода и усматривала – во всяком случае, пока министром иностранных дел оставался А.А. Громыко – в поддержании четырёхстороннего статуса бывшей столицы рейха потенциальную перспективу использовать общность интересов победителей во Второй мировой войне. Такую возможность подразумевало и Четырёхстороннее соглашение 1971 г., согласно которому в Западном Берлине по-прежнему сохранялся оккупационный режим, и он не входил в состав ФРГ и не управлялся ею. С назначением дипломатического новичка Э.А. Шеварднадзе на пост главы МИД СССР интерес к потенциальным возможностям, заложенным в западноберлинских хитросплетениях, оказался в Москве утраченным целиком.

Фрондирующее хонеккеровское руководство ГДР настаивало на том, что юридически линия разграничения с Западным Берлином ничем не отличается от германо-германской границы, порядки на которой определялись самим Восточным Берлином. Не требуя денонсации Четырёхстороннего соглашения и не пытаясь оспаривать особые права трёх западных держав (в частности, посещать Восточный Бер-

лин без контроля и досмотра со стороны властей ГДР), Хонеккер демонстрировал своё несогласие с западным тезисом, согласно которому пограничники ГДР на линии соприкосновения в Берлине были уполномочены на это Советским Союзом. Хотя невозможно было отрицать факт совместной ответственности СССР и ГДР за соблюдение порядка на межсекторальной линии, генеральный секретарь ЦК СЕПГ отказывался советоваться по берлинским делам с СССР и требовал, чтобы эта проблематика в контактах с Западом обсуждалась только с ГДР.

Хонеккер не хотел замечать, что в результате он ослаблял и советские, и свои позиции. Советская политика уже тогда практически стремилась реализовать формулу “четыре плюс два” в случае, если начнётся обсуждение перспектив германо-германских отношений. Несколько месяцев спустя правительство ГДР рассмотрело в этой формуле единственную надежду предотвратить молниеносное поглощение республики Западной Германией, но было уже поздно. Преемники Хонеккера также не смогли понять разницу между межгосударственной границей ГДР/ФРГ и берлинской линией межсекторального разграничения. Видимо, по этой причине ГДР не предприняла попыток провести консультации с СССР по вопросу о включении Берлина в общий контекст пересмотра визового режима.

Конечно, даже если бы такие консультации состоялись, вряд ли перестроечный Советский Союз стал бы возражать против смягчения правил проезда и прохода через Берлинскую стену. М. Горбачёва уже давно раздражали нападки западных СМИ в связи с мнимым нарушением прав человека из-за существования этой стены. Однако советские эксперты, вероятно, предложили бы развести на некоторое время изменение режима пересечения госграницы и линии секторального разграничения в Берлине – простая вежливость требовала, чтобы власти трёх держав и городские инстанции Западного Берлина были заранее (хотя бы за два-три дня) предупреждены о грядущих переменах. После объявления о либерализации условий выезда из ГДР на западную часть города обрушилась гигантская волна переселенцев. Телевизионная картинка создала впечатление массового исхода населения ГДР и сыграла решающую роль в окончательной дискредитации республики.

Диктат улицы, установившийся вследствие несостоятельности властей (что стало очевидно 9 ноября), вёл к поочерёдному разрушению основ государственной структуры республики. Первой под ударами оппозиции пала Социалистическая единая партия Германии. Из конституции страны было исключено указание на то, что СЕПГ – правящая политическая сила. Развалилась и сама партия – было принято решение об исключении из её состава высшего руководства во главе с Кренцом, она растеряла большинство своих членов, последовало и переименование (СЕПГ стала называться Партией демократического социализма). Позже новые власти конфисковали основную часть партийного имущества. Самоликвидировался Блок демократических партий, и все партии – как традиционные, так и вновь возникшие – пустились в одиночное плавание под бдительным присмотром западногерманского правительства и партийных руководителей из ФРГ.

Как “антинародные” были ликвидированы министерство государственной безопасности ГДР и подведомственные ему учреждения. Так и не удалось реализовать планы по замене МГБ ведомством национальной безопасности. По всей стране де-

монстранты перешли к захвату относившихся к системе госбезопасности зданий, которые более не охранялись. В результате проблема обеспечения внутреннего и внешнего суверенитета ГДР перешла “по умолчанию” в руки наводнивших республику западногерманских политиков, а также спецслужб ФРГ и других западных стран. Полиция ГДР была запугана до такой степени, что полицейские не решались выходить на улицу в форме. Поддержание общественного порядка перешло в руки возглавляемых оппозиционерами “гражданских комитетов”, возникших стихийно, с непонятным составом и с неясными полномочиями. Основные функции Народной палаты перешли к “Круглому столу”, в котором были представлены на равных правах все возникшие тем временем политические группировки; председательствовали на его заседаниях священники, представители руководства Евангелической церкви ГДР. Главные партии “Круглого стола” получили право назначать “министров без портфеля” в состав действующего правительства.

Для дискредитации социализма был задействован тезис о “подтасовке” результатов коммунальных выборов, состоявшихся 7 мая 1989 г. На повышение общественной активности были нацелены пропагандистские и иные усилия партийных и государственных органов (в идеале следовало обеспечить 100-процентную явку избирателей). К тому же система выдвижения Демократическим блоком единственного кандидата на каждое место в органах местного самоуправления делала бессмысленной всякую “подтасовку”. Коммунальный уровень был совершенно непригоден для обсуждения и тем более для решения политических проблем общегосударственного значения. Но шум вокруг “подтасовок” принёс пользу оппозиционерам, поскольку председателем Центрального избиркома в мае 1989 г. был Эгон Кренц, и всякий “выпад” против него был одновременно ударом по СЕПГ и социалистическому строю в целом. К тому же, по замыслу оппозиции, предстоящие внеочередные выборы в Народную палату по новым правилам должны были противопоставить “настоящие” выборы проводившимся в прошлом “ненастоящим”.

Гельмут Коль очень спешил, и первоначально намеченные на май 1990 г. выборы перенесли на 18 марта. Их результат был предсказуем – ПДС потерпела поражение, победила коалиция “За единую Германию” во главе с восточногерманским ХДС. Вопреки утверждениям канцлера ФРГ, поспешность при ликвидации ГДР не была связана с опасениями, что Москва может пересмотреть свою стратегию “игры в поддавки” с Западом. На самом деле в Бонне опасались возможной смены настроений у населения ГДР. К началу октября 1990 г., когда необходимые для поглощения ГДР международные соглашения были подписаны и соответствующие двусторонние договорённости введены в действие, восточные немцы, испытывавшие чудовищное пропагандистское давление в пользу отказа от своего государства, получили возможность задуматься над тем, что они теряют и что приобретают.

“Великая ФРГ”

Справедливости ради следует признать, что исходивший от высших политических кругов Западной Германии импульс к преодолению раскола бывшего рейха

нашёл наибольший отклик у населения Восточной Германии. Западные немцы в своей массе не ощущали чрезмерных страданий от отсутствия германского единства – проблема заполнения вакантных рабочих мест в экономике ФРГ была решена благодаря импорту работников из Турции. В остальном же граждане ФРГ привыкли к наличию нескольких германских государственных образований (трёх, если считать располагающий особым статусом Западный Берлин) и даже видели в этом некоторый плюс. Германская многогосударственность снижала градус опасений у западных соседей немцев в отношении возможной гегемонии ФРГ в западноевропейских объединениях, позволив части бывшего рейха без особых проблем и проволочек преодолеть царившее в послевоенной Европе отторжение всего германского. Тем самым расчищался путь к освоению ФРГ ведущих позиций на континенте. В реальной жизни западным немцам становилась всё более чуждой мысль об отказе от своего государства ради гипотетической единой Германии. И даже возможное поглощение относительно слабой ГДР более сильной ФРГ не было популярно ввиду предстоящих в этом случае крупных расходов.

Жители восточной части некогда единого германского отечества сохранили в гораздо большей степени основы национального самосознания и часто воспринимали себя как правообладателей в отношении хотя бы части “наследства” бывшего могучего рейха. Вождей восточных немцев обижала часто проявлявшаяся у союзников ГДР недостаточно высокая оценка политического и экономического вклада республики в процветание восточноевропейского сообщества. С другой стороны, под влиянием информационной политики западногерманского телевидения у граждан ГДР появились иллюзии, что можно без потерь “подключиться” к высокому уровню жизни западногерманских родичей – “стоит только захотеть”.

Граждане ФРГ и западные берлинцы могли свободно посещать ГДР, но редко пользовались этой привилегией – их привлекала экзотика южных морей. Не достигшие пенсионного возраста восточные немцы не могли надеяться на получение выездной визы для посещения или переселения в ФРГ и поэтому чувствовали себя несправедливо обделёнными. Они видели в недоступной им “свободе поездок” главное из прав человека, соблюдать которые обязалась ГДР, ставя под нажимом Москвы свою подпись под соглашениями, выработанными в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Именно по этой причине значительная часть граждан ГДР не испытывала готовности до конца отстаивать своё государство.

В то же время за весь начальный период кризиса ГДР лозунг объединения Германии ни разу не был озвучен публично. Самая мощная демонстрация этого периода – митинг 4 ноября 1989 г. на Александерплац в Берлине с приблизительно миллионом участников – выдвинула многочисленные требования, но среди них не было ни одного, который сводился бы к упразднению ГДР. Даже в лозунге “Мы – единый народ!”, дополнившем сразу же после 9 ноября боевой клич демонстрантов в Лейпциге (“Народ – это мы!”), не содержалось ничего, что можно было бы интерпретировать как требование односторонней ликвидации ГДР. Выступления восточных немцев в пользу будущего единого германского государства ещё длительное время подразумевали, что оно должно воплотить в себе наиболее сильные стороны как ФРГ, так и ГДР.

18 ноября 1989 г. только что избранный премьер-министром ГДР реформатор Ханс Модров выступил с предложением создать “договорное сообщество” обоих германских государств, которое подняло бы их сотрудничество на новый уровень. Речь шла именно о сотрудничестве, а не о поглощении одного государства другим. В ответ десять дней спустя канцлер Коля обнародовал свою “Программу поэтапного преодоления раскола Германии и Европы” с обещанием оказать ГДР финансовую помощь и реализовать “договорное сообщество”. Конечной целью было объявлено “восстановление государственного единства Германии”. В декларации Коля также не было ни слова о возможности простого присоединения ГДР к ФРГ. Заявленные обоими германскими государствами позиции позволяли в принципе начать переговоры об их сближении – очень сложный процесс, поскольку одновременно следовало решить ряд международных проблем – всё ещё отсутствовал мирный договор с Германией, который формально завершил бы Вторую мировую войну в Европе. Соответственно, требовалось провести переговоры между главными державами-победителями (СССР, США, Великобритания, Франция), с одной стороны, и двумя германскими государствами-наследниками рейха (ФРГ и ГДР) – с другой. Предстояло выработать общие позиции как для четвёрки, так и для двойки.

Однако старта подготовительных германо-германских контактов в условиях, когда ещё можно было говорить о равенстве сил их участников, не получилось. Возражал М. Горбачёв, без согласия которого ГДР не решалась сделать ни шага, а он и слышать не хотел об “особых отношениях” между германскими государствами. Его позиция изменилась лишь в конце января 1990 г. – после того, как обстановка в ГДР коренным образом ухудшилась и обозначилась перспектива ликвидации республики. Поворот в политике Горбачёва носил радикальный характер: СССР переориентировался на ФРГ, и ГДР не могла более рассчитывать на советскую поддержку. Но вызванному в Москву для консультаций Модрову об этом не было сказано ни слова. У премьер-министра ГДР сложилось впечатление, что главный союзник республики поддержал его идею относительно “договорного сообщества”.

1 февраля 1990 г. Модров огласил свой план решения национальной проблемы немцев под названием “Германия – единое отечество”. План предусматривал растянутое по времени создание нового объединённого германского государства путём переговоров между ГДР и ФРГ (предполагалось объединение в четыре этапа: договорное сообщество, конфедерация, передача конфедерации суверенных прав обоих государств, создание единой Германской Федерации или Германского Союза в результате всеобщих выборов). Проект Модрова предполагал притормозить уже начавшуюся под давлением руководства ФРГ сумасшедшую гонку за поглощение ГДР. Его реализация должна была обеспечить Европе и миру возможность лучше подготовиться к появлению возрождённой Германии на международной арене, предоставив при этом восточным немцам шанс хорошенько обдумать последствия принимаемых решений и спасти, хотя бы частично, социальные завоевания ГДР. Модров настаивал на том, чтобы завершающий акт германского объединения опирался на ясно выраженную волю всех немцев, подтверждённую на референдуме.

Не вызывает сомнений, что реализация его плана могла бы устранить многие перекосы, возникшие из-за спешки с ликвидацией ГДР. Однако успех замысла Модрова зависел от безусловной поддержки со стороны СССР, голос которого всё ещё имел решающее значение для урегулирования европейских неурядиц. Формальное согласие Горбачёва не отражало действительной позиции Кремля в германских делах. Советский лидер предпочёл увидеть в заявлении Модрова лишь готовность отказаться от самостоятельности Восточной Германии.

Реальная политическая линия перестроечного руководства Советского Союза проявилась в ходе переговоров Горбачёва с Гельмутом Колем 10 февраля 1990 г., когда генеральный секретарь ЦК КПСС несколько раз повторил, что проблему объединения Германии должны решать «сами немцы». Эта формулировка означала лишь одно: СССР самоустранился от определения условий восстановления державы, откуда уже дважды обрушивались на Россию мировые войны. Публично Горбачёв добавил, что ГДР согласна с его решением, хотя это не соответствовало действительности. Оставленная один на один с ФРГ, перед мощью которой пасовали гранды западноевропейской политики, ГДР даже в мечтах не могла рассчитывать на то, что ей удастся добиться учёта своих интересов, хотя их защита была целью не только правительства Модрова, но частично также и переходного правительства республики, находившегося под руководством восточногерманского ХДС.

Готовность СССР безвозмездно сдавать свои позиции проявилась при определении сроков и условий вывода Западной группы войск с германской территории. Вопрос о возвращении расквартированных в Германии войск домой был поставлен не по немецкой, а по советской инициативе, но его обстоятельства оставили и у солдат ЗГВ, и в СССР в целом, и в мировом общественном мнении впечатление некоего «изгнания из рая». В этом случае спокойную и конструктивную работу подменила ничем не оправданная суетливая спешка. Готовность Франции и Великобритании содействовать учёту советских интересов безопасности не была использована. Москва проигнорировала заслуживавшее внимания предложение британского премьер-министра Маргарет Тэтчер оставить в Берлине символические вооружённые контингенты четырёх держав, что включало бы в себя постоянное присутствие в германской столице советских солдат и после исчезновения ГДР.

После вполне ожидаемого поражения СЕПГ на выборах 18 марта советские политики перестали замечать ГДР, хотя юридически она до конца оставалась союзником СССР. Финальные условия ликвидации республики Горбачёв обсуждал в июле только с Колем, без участия представителей ГДР. Не было предпринято никаких шагов, чтобы оградить друзей и соратников Советского Союза в ГДР от преследований. У СССР оказалось не так много друзей среди восточных немцев, как утверждал в своё время отдел пропаганды ЦК СЕПГ, но и не так мало, как считали западные СМИ.

Преследования «симпатизантов России» начались практически сразу же после включения ГДР в состав ФРГ. Судебные процессы проходили сотнями, почти все закончились тюремными приговорами. Эгон Кренц, руководивший республикой в течение 47 дней (с 18 октября по 3 декабря 1989 г.), был приговорён в рамках «про-

цесса над членами политбюро” к шести с половиной годам тюремного заключения за “убийства” при предотвращении пограничниками ГДР нарушений германо-германской границы и линии разграничения в Берлине. Советские власти ещё предоставляли убежище некоторым из тех, кого преследовала “новая Германия”, но правительство Бориса Ельцина приступило к “выдавливанию”, а то и к прямой выдаче таких лиц властям ФРГ. Искавший в Москве политического убежища Эрих Хонеккер был в 1992 г. доставлен в Берлин самолётом “Аэрофлота” в сопровождении сотрудника ФСБ и сразу из аэропорта отправлен в тюрьму Моабит.

На протяжении минувшей трети века испытывающие тёплые чувства по отношению к русским и России люди в Германии (особенно их много в её восточной части) оставались как бы “за кадром” – они были, но практически не проявляли себя. Опасаясь репрессий со стороны новых властей, они сомневались, нужны ли они посткоммунистической России и симпатизирует ли им она сама. Периодически дружественное отношение к России высказывали лишь левые из числа бывших граждан ГДР – да и то не все и почти всегда с оговорками. И только в последнее время, в связи с обострением миграционного кризиса и угрозой исламизации, в ФРГ появились политические силы иных направлений, радикально отвергающие продиктованный США саботаж сотрудничества с Россией и настаивающие на отказе от западных санкций. Сегодня водораздел между политическими группировками в Германии проходит не по линии противостояния левых и правых, а по линии отношения к перспективе нормализации российско-германских отношений, без укрепления которых немислим ни европейский, ни глобальный мир.

Взрывоопасная обстановка вокруг многочисленных мигрантов вызвала рост протестных настроений главным образом среди восточногерманского населения, потому что люди, с которыми “настоящие немцы” из старой ФРГ всё это время обращались как с гражданами второго сорта, не хотят попасть в разряд теперь уже третьесортных.

Официальная статистика ФРГ подтверждает, что до сих пор сохраняется не только моральное, но и материальное неравенство между западными и восточными немцами: рабочий день “осси” более длинный, чем у “весси”, а заработок ниже¹. В прошлом году отнюдь не левый немецкий журнал “Шпигель” подробно обсуждал тему “сходства судеб” наводнивших ныне Западную Европу мигрантов и осиротевших восточных немцев. Сделанный журналистами вывод: если первые бросили свою страну, то вторых их собственная страна бросила².

События последнего года существования ГДР довольно точно раскрывают условия, при которых инициаторы современных “цветных революций” могут рассчитывать на успех. Решающей предпосылкой является наличие платёжеспособного зарубежного центра, непосредственно заинтересованного в разрушении или подрыве мощи фокусного государства и готового финансировать существующую

¹ См. <https://www.spiegel.de/karriere/beschaefigte-in-ostdeutschland-laengere-arbeitszeit-weniger-lohn-a-1276092.html> (Spiegel online, 06. Juli 2019) (дата обращения: 07.07.2019).

² <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/warum-ostdeutsche-und-muslime-viel-gemeinsam-haben-kolumne-a-1208440.html> (Spiegel online, 19. Mai 2018) (дата обращения: 20.05.2018).

там непримиримую оппозицию. Нужен также набор коротких и ясных лозунгов, способных объединить людей. На руку организаторам массовых волнений будет играть заскорузлость правящих элит, постепенно теряющих способность вовремя распознавать масштабы возникающих опасностей, следствием чего являются крупные и мелкие ошибки, которые усиливают “разрыв” между властью имущими и населением. Подпольная координация действиями оппозиции должна довести возникший кризис до максимальной остроты в тот момент, когда обусловленная акциями оппозиционеров угроза возникновения внутреннего конфликта, близкого по своему характеру к гражданской войне, заставит власть отказаться от применения силы и наступит паралич государственных структур. Наконец, требуется, чтобы оппозиция и её вдохновители были в состоянии так или иначе воспрепятствовать получению легитимными властями помощи извне.

Любой “цветной” переворот создаёт ситуацию, не имеющую эффективного решения. Как правило, приходится выбирать между “плохим” и “очень плохим”. В принципе Москва могла бы поддержать падающую ГДР, но это означало бы обострение отношений с США и их союзниками в тот момент, когда “прорабы” Перестройки надеялись, что получают масштабную помощь Запада. Советский Союз предпочёл “сдать” ГДР, объявив её присоединение к ФРГ реализацией воли немецкого народа и полагая, что приобрёл в лице ФРГ лучшего друга. Вступая в права наследования СССР, Россия питала аналогичные иллюзии, и Б.Н. Ельцин стал воспринимать Г. Коля как своего приятеля. Однако Ангела Меркель, однопартиец Коля и первая женщина на посту канцлера Германии, очень быстро спустила Москву с небес на землю.

Пять лет назад у мира была возможность убедиться в разрушительности последствий “цветных” экспериментов на примере украинского майдана. России удалось тогда предотвратить бойню в Крыму. Но противостояние на юго-востоке Украины продолжается, а США и Европейский союз всецело поддерживают новую украинскую власть. В настоящий момент в Европе заметны сдвиги в сторону политического реализма.

Внутренний кризис Евросоюза, одним из проявлений которого являются политические осложнения вокруг брекзита, может стать решающим фактором ускорения начавшегося процесса переосмысления европейскими элитами роли и места Европы в мире. Трудно не согласиться с немецким политологом Александром Раром, отмечавшим: “Европа должна наконец похоронить свои конфликты с Россией и начать работу над проектом Большой континентальной Европы от Лиссабона до Владивостока. Только совместно с мощью России Европа приобретёт для себя вес в меняющемся многополярном мире. Общее экономическое пространство даст обеим сторонам импульс для процветания. А общее пространство безопасности сделает ненужным расширение НАТО и разрядит конфликт между Россией и Украиной”¹.

Непонятная с западной точки зрения ностальгия восточных немцев по ГДР готовит почву для возрождения доброй атмосферы во взаимоотношениях между

¹ Рар А. Просуществует ли Евросоюз до 2024 года? Европе нужен большой континентальный проект от Лиссабона до Владивостока, “Независимая газета”, 9.07.2019.

русскими и немцами. Неизбежная смена правящих элит в ведущих странах Евросоюза будет способствовать трансформации мировой политики, подводя черту под краткой эрой однополярного мира.

Список литературы

Гофман Ю. (1989) “К вопросу о развитии немецкой социалистической нации в ГДР – опыт и перспективы”, в кн.: *Социализм национальных цветов ГДР. Сборник статей*, Международные отношения, Москва, Россия, с. 104.

От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ/ОБСЕ в документах (1996) Наука, Москва, Россия, с. 228.

Хонеккер Э. (1989) “Единство и многообразие социализма” в кн.: *Социализм национальных цветов ГДР. Сборник статей*, Международные отношения, Москва, Россия, с. 16.

References

Gofman Yu. (1989) *K voprosu o razvitii nemeckoj socialisticheskoy natsii v GDR – opyt i perspektivy*, v: *Socializm nacional'nyh cvetov GDR. Sbornik statej*, Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, p. 104.

Honecker Erih. (1989) „Edinstvo i mnogoobrazie socializma“ in: *Socializm nacional'nyh cvetov GDR. Sbornik statej*, Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, p. 16.

От Hel'sinki do Budapeshta. Istoriya SBSE/OBSE v dokumentah (1996) Nauka, Moscow, Russia, p. 228.

Stoll Klaus Hartwig (1986) *Die DDR – ihre politische Entwicklung*, Frankfurt am Main, Diesterweg, S. 356.

Weidenfeld Werner / Korte Karl-Rudolf (Hrsg.) (1999) *Handbuch zur deutschen Einheit 1949-1989-1999, Bundeszentrale für politische Bildung*, Bonn, S. 403.

Inclusion: the Decline of the German Democratic Republic.

Part Two

Author: Maksimychiev I., Doctor of Sciences (Politics), Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** IgorFedMax@yandex.com

Abstract. In the second part of the article dedicated to the 30th anniversary of the dissolution of the German Democratic Republic, the author continues to analyze the factors leading to the collapse of the state, which was the basis of the post-war security system created by the USSR. The retrospective analysis of the events in the autumn of 1989 showed that at that time the republic was facing all pre-conditions typical for the internal crisis. The author describes the growth of the opposition, the creation of its organizational structure and emergence of its leaders who put forward attractive slogans and initiated actions provoking the crisis, the availability of a strong political, ideological and material support, provided by the external actors, the weak performance of the legitimate authorities. The author argues that the decision of the USSR leadership to step away from the German issue speeded up the collapse of the socialist state in East Germany. The GDR dissolution led to similar events in a number of East Europe states and became the prologue of the demise of the postwar bipolar system.

Key words: German Democratic Republic (GDR), German Federal Republic, reunification of Germany, Berlin Wall, Perestroika.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019206216>